Остатки

Автор:
Никита Чирков

Остатки

Никита Владимирович Чирков

Мы лучше #4

Мир технократов столкнулся с немыслимой трагедией: в мгновение погибла треть человечества. Никто не дает ответов, как и почему это произошло. Центр развития технологий Мегаполиса не отвечает, а главные деятели науки Итан Майерс и Бенджамин Хилл числятся пропавшими без вести. Ради спасения остатков цивилизации приходится ввести военное положение.

В это время, используя религиозные речи и обещания создать новый лучший мир, лидер секты Эхо стремится перераспределить власть Мегаполиса для своей выгоды.

Вскоре беспощадная борьба за господство меняет мир до неузнаваемости, и для спасения будущего необходимо сохранить хоть какие-то остатки человечности.

Никита Чирков

Остатки

Отказ

1

Этот день Евгения Кос встретила с самым оптимистичным настроением за последние несколько лет – по ряду нескольких противоположных, но взаимосвязанных причин. С одной стороны, сегодня стукнуло ровно два года ее успешного руководства орбитальной станцией Кесслер, с чем ее даже скромно поздравило вышестоящее руководство. А с другой стороны, более личной и человеческой, Евгения собиралась подать в отставку и вернуться на планету: по причине столь неожиданной, что и сама до сих пор не верит, – свадьба. Так уж вышло, что, когда ей предложили должность исполняющей обязанности, возлюбленные восприняли данный жест как некий знак. Следование хорошему предчувствию решает несколько задач: позволит убедиться в крепости отношений, получить хорошую строчку в резюме и, собственно, заручиться неплохим социальным пакетом с приличной зарплатой. Но потом ее сделали полноценным директором, а его командировка от научного института затянулась, отчего было решено не спешить с увольнением. И вот их отношения прошли достаточно испытаний, а сама работа на Кесслере скатилась до примитивной поддержки связи и исполнения приказов Министерства обороны. А ведь когда-то отсюда под руководством самого Центра развития технологий отправляли людей в космос на освоение ближайшей планеты, где также на орбите Марса успели построить базу Новый Горизонт. Но тогда все вышло из-под контроля, а трагедия оказалась лишь частью комплексного кризиса для всего Мегаполиса, где по итогу сам ЦРТ отказался от дальнейших инициатив по освоению космоса и развитию науки в том направлении. При этом, что забавляло Евгению и многих, новый с тех пор руководитель ЦРТ Итан Майерс умудрился за последние два года отстроить без привлечения власти и военных свою небольшую космическую базу вдали от планет, с глупым, опять же, по мнению многих, названием Точка. Он отправился туда на ракетоносителе ЦРТ с их личной взлетной площадки. При этом самый совершенный на всей орбите планеты Кесслер исполнял лишь роль страховки, что Евгения и многие специалисты считают искренним оскорблением потенциала станции. Прошел почти месяц с тех пор, как Итан Майерс – гений научного мира и по совместительству главная головная боль правительства – улетел с планеты на свою Точку, где уже было четыре гениальных космонавта, постоянно разносящих по миру процесс создания совершенного двигателя для путешествия к другим планетам.

Помимо бесперспективности дальнейшей работы на умирающем от неправильных приоритетов Кесслере, Евгения черпала силы для своего увольнения в истории Агаты Коберн. Годы назад Агата руководила этой

станцией в расцвете сил, отдав всю себя для важнейших на тот момент проектов научного мира технократов. Но череда неправильных решений, причем и в самом руководстве ЦРТ, которое тогда было в руках Бенджамина Хилла, нанесла непоправимый ущерб перспективным и новаторским проектам, что поставило под сомнение компетентность руководства в глазах общественности. Только для Агаты это стало временем самых необычных перемен – прагматичная карьеристка выбрала то, что всегда казалось ей лишь отвлекающим фактором, этаким источником хаоса для осознанной мысли, а именно – любовь. Уволившись, она завела семью и стала прекрасной мамой, при этом заслуженно заполучив должность руководителя научного городка при Министерстве обороны. Евгения тогда не понимала этого решения, даже осудила про себя Агату – но с годами, чуть повзрослев и научившись расставлять приоритеты, осознала ошибку в суждении. Раз сама Агата смогла, то уж Евгения-то точно сможет, к тому же, глядя на неиспользуемый потенциал Кесслера, она ощущает, как сама затухает вместе с этим некогда фундаментом для освоения космоса посредством раскрепощенной науки. Много раз в жизни ей говорили, но поняла она лишь сейчас, по прошествии времени и личного опыта: каждый должен быть на том месте, где сможет реализовать весь свой потенциал в угоду развитию и созиданию. Здесь, с грустью понимает она, не ее место: Кесслер ныне представляет собой лишь остатки своего былого величия. Так вот, сегодня она планировала подать прошение на отставку, желая найти свое настоящее место, где будет куда расти, а главное, кому передать свою мудрость, знания и любовь. Ведь одной лишь мысли о детях хватало, чтобы наполнить сердце счастьем. Звонок жениху по видеосвязи был важен еще и для поздравления его с днем рождения.

– Ну что, красавчик, сегодня у тебя важная дата, и я не могу удержаться от того, как хочу заобнимать тебя и расцеловать в это сорокалетие.

– И я ни в коем случае не буду мешать тебе воплотить это в жизнь!

– Еще чуть-чуть, я вернусь, и мы наконец-то, только после бракосочетания, разумеется, отправимся в долгожданное, только наше и ничье более, путешествие.

– Точно не будешь скучать по Кесслеру и всем научным задачкам?

– Я уже скучаю. Но не по тому, что сейчас, а по тому, как тут было ранее. Я изучала всевозможные сигналы, попутно зубрила языки и умничала в дружном

коллективе. Сейчас тут скорее хорошо, чем отлично. Но еще больше, женишок, я скучаю по тебе. А еще не переживай, на нашей планете много мертвых языков и культур со своими индивидуальностями, изучать мне еще на всю жизнь хватит.

– Вот такой настрой мне нравится. Особенно хорошо он подходит для путешествия тем, что позволяет всерьез… ну, я допускаю, что мы найдем свое место.

– Эй, у тебя есть я, какое еще место ты там ищешь, мужчинка?

– Я про то, женщина моя, где сделаю тебя матерью своего ребенка, а то и нескольких, и где мы будем их воспитывать.

– Воу, вот это ты хорошо сказал, мне нравится! Только маме своей не говори пока что, а то она меня своими традициями Природных земель утомит еще так.

– Не беспокойся, до этого еще успеем истоптать землю, а то я знаю, как там трудно без гравитации у тебя, так что грамотный маршрут путешествий уже есть, надеюсь, я смогу тебя удивить.

Да, день этот был для нее особенным по ряду человеческих и оттого понятных причин, где, совмещая самое важное для лучшего будущего, получалось осмыслить прошлое и отпустить его, ибо возвращаться сюда Евгения уже не планировала.

Но вскоре произошел инцидент, чье название столь же неоднозначно, сколь и случившееся, а именно – Отказ.

В четыре часа и две минуты самого обычного для дня случилась смерть. Моментально, тихо, без предупреждений или провоцирующего катаклизма треть человечества разом умерла. Не было замечено никакого внешнего влияния, не говоря уже о каких-либо космических или научных силах. Треть планеты просто упала, словно у марионетки обрезали веревки, превратив мысль и чувства в поддающийся лишь закону гравитации груз. Первые минуты холодной тишины оказались самым ошеломительным и жутким по своему составу, огибающим всю планету кошмаром. Евгения, как и многие, боялась не просто пошевелиться – страх перед любой мыслью сковал ее так сильно, что сам воздух потерял свое значение. Она смотрела на мертвое тело любимого и хотела лишь умереть

следом за ним из-за безысходной жестокой скорби. Вскоре Евгения узнала: смерть жениха – лишь часть малого инцидента, равный которому представить невозможно, а значит, есть нечто большее, нежели индивидуальное несчастье, и это необъятно в понимании и осмыслении. Помимо страха и боли, живых объединяла зависть к мертвым, ибо за скорбью оставались уничтожающие вопросы: почему это случилось? как это случилось? почему именно они?

Но кое-что, ставшее первым кирпичиком в восстановлении самообладания и включении в роль необходимого руководителя, Евгения поняла быстрее других и сделала отправной точкой для адаптации к новой реальности: на Кесслере все живы.

2

Сдерживая самые страшные ожидания, Ильза Этвуд пыталась дозвониться до единственного человека, занимавшего в ее мыслях и сердце больше всего места, – Рамзи, мужчины с которым она познакомилась еще два года назад, в период одного из своих репортажей в Природных землях. Ее дерзкий нрав отлично ужился с его вдумчивой простотой, но найти идеальный баланс у них не получилось, что привело к временным расставаниям и таким же временным воссоединениям. Но оба были уверены – рано или поздно притирка приведет к закономерному единению. Сейчас Ильза не может выкинуть из головы ненависть в свой же адрес из-за всех тех ныне глупых причин расставаний, ведь последнее случилось не так и давно – месяц назад.

В попытках заглушить страх она пыталась связаться с Бенджамином Хиллом – ее давним другом и одним из самых влиятельных людей планеты, а еще, что куда важнее, одним из двух руководителей Центра развития технологий: вторым был Итан Майерс. А так как более осведомленного человека она попросту не могла вообразить, то лишь его ответы были равносильны спасению от пропитанных страхом предположений случившейся катастрофы. Но никакой известный способ связаться с ним себя не оправдал, даже попытка пробиться сквозь его заместителей не дала ровным счетом ничего. Напрашивающийся вывод не удостоился и минуты осмысления – Бенджамин не мог умереть. Не тот человек! А в обратное Ильза поверит, лишь увидев тело своими глазами, тут сомнения не допускались ни в каком виде. Сам же ЦРТ попросту не делал никаких заявлений, хотя уж эти монополисты, размышляла в отчаянии Ильза, не могли упустить шанс стать главными спасателями, как минимум ради поднятия репутации среди отчаявшегося человечества. Ильзе даже не дали ответы ее оставшиеся и

попросту доступные связи в правительстве и среди мира журналистики – хаос был кошмарным, необъятным и пугающим до такой степени, какую представить ранее казалось немыслимым.

– Рамзи! Наконец-то, ты где был, я тут все пять дней на стенку лезу, не мог, что ли, позвонить или написать?! Что так долго?

– И я рад слышать тебя в здравии, но у нас мало времени. Я сейчас лечу в Мегаполис, надо забрать один важный объект, причем срочно. И я собираюсь тебя вытащить оттуда, скажешь потом Агате спасибо.

– Агата? Какая Агата, наша Агата?

– Да, генерал вводит военное положение, но ей выделил нас, потому что у нее, возможно, есть человек, который знает о причине инцидента. Через пять минут поднимись на крышу, я на вертолете, заберу тебя. Возьми все самое необходимое, вряд ли мы вернемся сюда в ближайшее время.

– Пять минут, ясно.

За последние несколько лет у Ильзы выработалась профессиональная привычка иметь запасной рюкзак с самым необходимым именно для срочных поездок, так что указанного времени было с запасом, что позволило даже углядеть с крыши приближающийся военный вертолет. Только он завис у края, как показался Рамзи и протянул ей карабинный пояс для страховки, а после помог залезть, что, опять же благодаря практике журналистской деятельности в не самых лучших местах мира, было уже в привычке. Она обняла его так крепко, как и представить не могла. Это был тот самый, позволяющий наконец-то хоть чуть-чуть расслабиться, момент спасительного влияния. Последние пять дней Ильза не просто жила в страхе за свою жизнь – она всеми силами использовала сухое мышление ради сбора хоть каких-то сведений для составления картины случившегося, которое по своему свойству требует предсказать грядущее. Вдруг такое произойдет снова? Вдруг эти смерти – лишь часть чего-то более ужасного и непоправимого? Все пять дней с момента Отказа Ильза держалась за профессиональное мышление лишь ради одного – не упасть в пучину безысходности. Также она не покидала своей квартиры по многим причинам, начиная от страха быть утянутой в водоворот боли и скорби миллионов, что в итоге вылилось в немыслимые беспорядки, заканчивая примитивным страхом:

вдруг что-то в воздухе убило всех людей – или же все это лишь начало? Ответов нет до сих пор, а вот решение оказалось верным – пережив первую волну, Ильза дождалась человека, от которого она больше не уйдет. Она плачет, стучит по нему из-за такого долгого ожидания – и вместе с тем прячется в его объятиях, цепляясь пальцами с той силой, какая не позволит ему пропасть.

Пилот передал скорое прибытие. Выглянув наружу, Рамзи увидел вдалеке цель прибытия, а Ильза осматривала с горьким разочарованием то, во что превратился некогда величественный Мегаполис. Даже на такой высоте воздух казался пропитанным трепетным ужасом, а если бы не шум вертолета, то доносившиеся из разных мест крики отчаявшихся вперемешку с погромами казались бы знамением безвозвратности к прошлой жизни, что в целом было правдой, но обесценивало любую надежду. Смотря на то, как воля Рамзи позволяет ему держаться твердо и уверенно, она сама находит силы стойко выдерживать отчаянные попытки оставшегося населения найти новые ориентиры в этом ныне чуждом мире. Погромы местами настолько крупные, что столбы дыма от сжигания машин и даже целых домов выделяются не меньше, чем развернутые на скорую руку крематории. А причина очень проста – оглушенные горем люди не хотят верить в окончательную смерть миллионов, а значит, нельзя сжигать тела, чье гниение вскоре даст о себе знать, ведь иначе те несчастные уже точно не вернутся. Хотя, думает Ильза с неприятным осадком от такого вывода, те, кто умерли, куда менее несчастны, чем оставшиеся, чья жизнь продолжается по неведомым никому причинам, подталкивает иные группы к страшному выводу скорого повторения Отказа: раз умерли одни, скоро будут и другие, верно? А выразилось это не только во внезапной активности разных культов и сект, но и во всеобщей дозволенности любых действий в адрес иных, не поддерживающих столь жуткие взгляды, людей, что привело к настоящим гражданским столкновениям, бесконтрольным и разрушительным. Военные лишь сейчас стали подавать признаки существования некоего плана: объявления по громкоговорителям о вводе комендантского часа и военного положения, дабы создать безопасные территории для тех, кто не поддался панике и безрассудству. Эхо распространилось по всему Мегаполису, спровоцировав те самые мурашки перед глобальной необратимостью.

Впереди – нужный трехэтажный крематорий, спрятанный в окружении жилых многоквартирных высоток, пострадавших от беспорядков не меньше, чем при какой-нибудь войне: несколько строений объято пожаром, другие страдают от мародеров и столкновений среди гражданских. Сам крематорий держится из последних сил – его пытаются взять штурмом более-менее организованные группы гражданских, а на крыше уже кто-то зажег сигнальный дым зеленого

цвета. Ильза и не думает о каком-либо репортаже или простой съемке, а даже если будет задача, то она настолько растеряна, что сама мысль о возвращении к прежней работе кажется оскорблением для всех погибших. Общая картина, несмотря на причины, обладает чем-то красивым, уникальным: хлопковый снегопад выделяет горящие дома и черный дым до самого неба, а бегающие сотни людей внизу напоминают артерии кровоточащего Мегаполиса. Крики людей и шум от беспорядков дополняются запахом гари и разных горящих смесей, что в совокупности с контекстом случившегося ошеломляет Рамзи и Ильзу.

При приземлении Рамзи видит девушку с сигнальным огнем в руке, а рядом с ней – молодого парня без сознания. Только вертолет коснулся крыши, как она подбежала и, борясь с паникой, в слезах и страхе прокричала:

– Помогите нам! Они сейчас прорвутся сюда, надо уходить, скорее!

Лопасти вертолета разносили вокруг снег с дымом, а в это время Рамзи подбежал к лежавшему подростку и, получив подтверждение личности сканированием лица и отпечатка пальцев, закинул бесчувственное тело на плечо и вместе с девушкой направился к вертолету. В этот момент на крышу стали падать зажигательные смеси, а рядом забрались вооруженные люди, чья агрессия навредила бы всем им, не используй Ильза пистолет убив обоих. Рамзи хватило и взгляда, дабы увидеть в лице Ильзы то самое нежеланное осознание новой реальности, где подобное становится естественным.

Вертолет спешно взлетел.

– Он ранен? – Рамзи выискивал признаки его бесчувственности.

– Нет, вроде бы нет. Сказал, что если так случится, то я должна сказать вам, что нужно к Агате, там он будет в безопасности.

– Меня зовут Ильза, а тебя? – Ильза постаралась этим вопросом отвлечь явно неравнодушную к юноше девушку.

– Сепия, а это Данакт.

– Вас же должно быть трое!

– За нами гнались, я не знаю зачем, но… мой брат отвлек часть этих уродов на себя, чтобы мы могли успеть на крышу. Когда мы вернемся за ним?!

Рамзи кратко переглянулся с Ильзой.

– Извини, но сейчас это невозможно. – Ильза взяла роль смягчителя суровых фактов.

Сепия держалась из последних сил, измотанная, явно голодная и не спавшая слишком долго. По ней отчетливо было видно, с каким непосильным трудом дались подросткам последние дни. – Мы должны прибыть к Агате как можно быстрее, у нас мало времени, Данакт настоял, что нельзя тратить ни минуты! – Ильза с Рамзи взволнованно переглянулись и ожидали от Сепии уточнения. – Он знает, почему все погибли!

3

В момент гибели трети планеты Эхо был у родителей, чей мозг он подключил к Коллективу – специальной программе по созданию виртуально-адаптивного пространства под любые условия, где благодаря умелым манипуляциям вполне получалось лечить психические расстройства. Технология была запрещена многие годы, но в один момент он познакомился с неким Конором, чье влияние оказалось столь велико, что открывшиеся возможности позволили даже заручиться поддержкой Центра развития технологий и самого Бюро контроля технологий. Правда, все это оказалось нужно для Конора лишь в роли прикрытия его истинных мотивов, мириться с которыми Эхо давалось с трудом.

Когда случился Отказ, Эхо первым делом убедился в сохранности своей жены Алины, а после занялся вопросом причинности столь необъятной катастрофы. И вот, спустя пять дней, он пришел к Конору в специальный, безопасный от любой прослушки офис для подобных встреч. Всего два дивана, скудный свет и отсутствие чего-либо еще, кроме защитных от любых сигналов или технологий мер.

Сам Конор стоял спиной ко входу, смотрел в единственное здесь небольшое зеркало, вглядываясь в свое отражение с каким-то вызовом самому себе. Очень худой, среднего роста, в простеньком черном костюме, с короткой стрижкой и чуть ли не бледной кожей – полная противоположность полноватому, щекастому и высокому Эхо, этакому здоровому крепышу с добрым и чуть ли не детским безволосым лицом.

Только Эхо хотел сказать, что они знают причину, как Конор поднял руку с выставленным указательным пальцем:

– Я почитаю время. Справедливость, добро, зло – время это не волнует. Время волнуют возможность и вероятность. Живая задача с бесконечной переменной, обуздать которую – самое сложное, но и благодарственное достижение. Каждая секунда открывает доступ к знаниям, чья ценность напрямую зависит от возможности его использования. Соображения счастья и боли чужды времени, ибо без навязанных слабым умом примитивных ориентиров остается то чистое естество порядка – с отсутствием любого неправильного.

Эхо терпеливо молчал, ощущая внутреннее сопротивление горделиво доносимым, будто бы на суде, словам Конора.

– Я знаю, ты не разделяешь мою веру. У тебя свой бог – Космос, существующий с целью объединения разрозненных и одиноких. Интересный бог, я даже понимаю его привлекательность: все так просто и легко – сама жизнь во Вселенной произошла благодаря единению материй. – Конор развернулся и уставил взор раскаленных глаз на Эхо. – Но сейчас время непростое, – сделал он вывод и сел напротив.

– Столько слов ради того, чтобы запретить мне рассказать людям правду?

– Зависит от того, каких людей ты выберешь.

– Да брось! Все мы должны забыть разногласия и…

– Объединиться? Ты это хотел сказать: объединиться.

– Из-за разногласий все и случилось! Миллиарды людей в одночасье стали жертвами разрозненности и бессмысленной борьбы друг с другом! Неужели что-то еще должно произойти, дабы мы усвоили урок?!

– Отличный вопрос, самый верный в нашем положении! – Конор загорелся, Эхо видел азарт и ощущал нагнетаемую интригу. – Да, что-то обязательно должно произойти.

– Если ты хочешь использовать страх людей как средство сдерживания, то я не поддержу это. – Эхо не хотел верить в такой вариант, более того, сам Конор раскрывался с совсем иной стороны – более властной и громкой, противоположной ранее сдержанному стратегу, коим он был совсем недавно.

– Твоя вера в человечество достойна уважения. Но только человечеству на это плевать. Поведай причину – и часть из них уже никогда и ничему не поверит из-за отсутствия доказательств, а другие обвинят в клевете, заведомо предполагая нечто еще более страшное и неподвластное. А если умолчим, оставив причину в тайне, то люди сами найдут себе ответы, что, кстати говоря, именно то проявление естества адаптации, которую ты прославляешь. Поиск истины объединит людей.

– Но люди уже знают о…

– Доказательств нет! Лишь теория, единственное подкрепление которой – Ксения Конлон, начавшая охоту на тебя из-за личных мотивов, опасность чего мною была высказана ранее не раз. Но, к твоему счастью, она неизвестно где – пропала в момент Отказа, который удивительным образом случился через день после обвинений в твой адрес на весь мир.

– Ты никогда не был многословен, всегда говорил кратко и по существу – я ценил это. Но здесь уходишь в дебри многопарного текста, а меня таким не провести, и тебе это известно.

Эхо никогда не любил и не принимал целиком сотрудничество с таким властным и циничным человеком, как Конор, но одна трагическая случайность почти уничтожила его карьеру и саму жизнь, заставив принять помощь на совершенно невыгодных условиях. Прошло уже почти пять лет, а Конора он видит таким впервые, что в целом не удивительно, учитывая ситуацию. Но если внутри него

бушует эмоциональный вихрь, то вот в том, кто поставил себя в роли хозяина, проглядывается пугающий фанатизм.

– Генерал Локк взял власть в свои руки – это хорошо. Комендантский час позволит усмирить оставшихся, а армия создаст крепкую оборону порядка. Ты получишь идеальный фундамент для строительства и расширения своей церкви, предлагая людям лечение от всех невзгод и травм в Коллективе, чье внедрение, несмотря на помехи со стороны Конлон, уже показало результаты. Генерал согласится на это, сейчас любая помощь в обуздании толпы будет кстати. И я знаю, ты согласен с таким сценарием развития, как минимум на первое время. А теперь то, с чем ты не будешь согласен, но будешь исполнять.

– Мир изменился, Конор.

– Не для нас с тобой. Не лги себе – мы птицы иной высоты, а ты – не часть тех людей, которых ведешь за собой.

– Почему же я должен и впредь следовать твоей указке?

– Я только что ответил на этот вопрос.

Эхо ненавидел Конора по многим причинам, но его надменность, его взор свысока в любой ситуации вынуждали каждый раз при встрече прилагать дополнительные усилия в угоду терпению. Попасть на крючок этого человека было меньшим из зол, часто напоминает себе Эхо.

– Мы знаем, почему все случилось. Люди же гадают, ищут виновника: Итан или Бенджамин, а возможно, кто-то третий, до сих пор остающийся в тени? Но если правду узнает генерал, будет не только лишний аргумент к контролю. Настоящее искушение – это уже проблема. И ты во избежание этой проблемы скроешь истину. Просто займешься своим призванием и заглушишь чуждые нам мысли людей своими проповедями.

Эхо видел в глазах Конора все: желание найти производство немыслимой технологии, а после применить так, как вольна будет мысль. Скорее всего, он искренне верит в предназначение быть единственным владельцем апогея науки, причем вся его активность будет происходить из тени, как и раньше. А раз он выжил, то незачем прерывать этакое сотрудничество, где Конор продолжит

дергать ниточки, дабы Эхо – лидер Семьи – привлекал на себя основное внимание, пряча кукловода от лишних глаз.

– Когда… – Эхо говорил с определенным смирением, – когда несколько лет назад ты посвятил меня в свою работу по изучению бесплодия у людей, то я не раздумывая поддержал этот секретный проект. Благородная цель – вернуть человечеству шанс на создание потомства. Когда мы узнали о возможной причастности ЦРТ, то не было сомнений в необходимости перемен. – На мгновение Эхо задумался о том, как со временем меняется оценка прошедших событий. – Конор, скажи, неужели ты считаешь, что я ради своей безопасности и авторитета закрою на это глаза? У нас военное положение, одного намека генералу хватит, чтобы с лихвой усмирить твой энтузиазм.

– Ты не разочаровал. Мыслишь все так же здраво для человека, но не для стратега. Эхо, мои взгляды не впишутся в стандартный сценарий поведенческой карты. Одно лишь различие между нашими богами уже не позволит мне правильно донести свои цели, а тебе – правильно их понять. Но это и есть наша с тобой сила. Пока ты пользуешься моими ресурсами во благо, которое у тебя с большинством едино, я займусь стратегией.

– Я реалист и знаю, что у военных очень много своих ученых, а еще до сих пор неизвестна судьба Итана и Бенджамина, которые, даже если не укажу причину, то уж точно что-то придумают! Мы с тобой не последние люди…

– И все же через несколько часов у тебя встреча с генералом. Да, ты вновь путаешь власть и популярность.

И тут Эхо всерьез осознал свою неосведомленность перед этим человеком. Конор крайне богат и властен, но ведь и правда, о нем среди простых людей никто и не слышал: он всегда был в тени, разыгрывая неизвестные карты с неизвестными игроками. Эхо всегда знал о недолгосрочности таких отношений, как и сам Конор точно не мог верить в бессрочность его послушания, а значит, припас козыри.

– Так что же мне делать?

Эхо понимал: Конор точно не поверит в честность такой сдачи, но так хотя бы получится выиграть себе пусть и небольшое, но поле для маневра.

– Играй свою роль. У тебя есть мой ресурс, благодаря которому ты построил свои церкви, где подключаешь людей к виртуальному миру. Продай генералу, докажи пользу. Ранее ты успешно лечил людские недуги Коллективом – сейчас подобное необходимо для каждого несчастного. Делай то, что умеешь: толкай речи, свети своей харизмой, дари надежду, а главное – объедини людей. Меня представь лишь как своего технического специалиста, ведь уж точно не ты изобрел Коллектив, а я и моя группа. В это все поверят, ибо это правда.

– Откуда мне знать, что эти смерти – не твоих рук дело?

Лицо Конора впервые приобрело вполне человеческое удивление.

– Этот вопрос оскорбляет меня и тебя. Будь это так, разве я бы сказал правду? А если я выскажу отрицание, ты поверишь мне?

И правда, думал Эхо, очень глупый и отчаянный вопрос, лишь доказывающий его проигрыш этому человеку, способному не просто уничтожить все его труды, а еще и навредить его близким. Понимая различия между ними, Эхо лишь укрепился в том, кем был и является на самом деле.

– Ты должен знать, что в первую очередь меня волнует то, что многие называют культом или сектой, ну а я же называю просто – Семья. Нас тысячи, мы пережили гонения и притеснение, а мои родители создали в Природных землях целое поселение, и все лишь благодаря слову. Космос ведет нас и объединяет, и этому я буду привержен до конца!

– Разумеется. Я никогда не был против этого. Такова твоя роль.

– Моя судьба!

– Ты абсолютно прав, прошу извинить.

Конор согласился с этим с легкой улыбкой на лице, совершенно наигранно и по-детски, не скрывая своей игры в поддавки, дабы Эхо узрел этот фальшивый шаг навстречу.

4

Данакт был подключен к медицинскому оборудованию сразу же по прибытии в научный городок Агаты за пределом жилых районов Мегаполиса. Физических травм обнаружено не было, бесчувственность близка к коме из-за невозможности разбудить его простыми методами, при этом мозговая активность была выше нормы. Сепия сидела рядом с ним и пыталась хоть как-то освоиться в безопасности, при этом все время думая о том, где сейчас ее брат и что делать дальше. Она прекрасно понимает важность работы Данакта, но при этом ненавидит все, через что им прошло пройти, потому что не такой жизни ей хотелось. При этом ее брат где-то там, один, возможно, борется за свою жизнь, толком даже не зная о ней и Данакте. Несовершеннолетние брат и сестра привыкли рассчитывать на себя во всем, поддерживая друг друга в минуту слабости, ибо знали, что лишь они есть друг у друга. Но теперь ей нужно быть сильной для Данакта и Номада, при этом она сама нуждается в поддержке… Отчаяние выливается в слепую надежду, что она все сделала правильно. Сепия отпустила руку Данакта и, прежде чем пойти к остальным в соседнее помещение, просто сказала: «Спасибо».

– Данакт не простой мальчик. – Агата говорила вдумчиво, специально донося до окружающих ее людей информацию с оттенком заботы. – Когда мы познакомились, то часть его тела уже была замещена грубыми имплантами и протезами, но заменить их на современные было не сложно. Кто-то провел над ним незаконную операцию по внедрению в мозг и нервную систему чипов, дав возможность подключаться к системе, общаться с программами и удаленным способом через беспроводную сеть влиять на любой компьютер. Сам он ничего не помнил, даже своих родителей. Но я все узнала: его маму убили незадолго до того, как он проснулся после комы, а его отец был жив. Но Отказ он не пережил. Какое ужасное, но какое точное название…

– Это специально. – Все посмотрели на Ильзу с интересом. – Оно запоминается и провоцирует ключевые вопросы: отказ жизни? отказ поверить в смерть? или же отказ признать наше право на жизнь? Ну и кто на что горазд, то и спросит.

– Спросит у кого?

– Отличный вопрос, Агата, отличный! Интересность тут в другом. Сами люди – пресса – дали такое название, не власти и не наука. А это о чем-то да говорит.

– Думаю, нам надо не вопросы задавать, а пытаться сохранить остатки.

– Человек науки против вопросов о причинах столь ужасного ужаса? Вау…

– Дорогая моя Ильза, вопросы ныне усугубляют больше, чем спасают. Сами видели, как желание ответов уничтожает оставшееся.

Подошедшая Сепия, молча и словно никого не замечая, прошла мимо всех и села на стул, поглядывая на сидевшую наискосок Ильзу и стоявшего у двери Рамзи.

– У меня ведь не просто так предчувствие, что ко всему этому Бенджамин приложил руку?

– Я рада, Ильза, что чутье твое никуда не делось. И нет, я не знаю, где он… да и жив ли.

Агата и Ильза были этакими противоположностями: первая была порой строгим, но опытным и сильным, а главное – честным лидером, с невзрачной внешностью и прагматичным умом, в то время как Ильза была ярким лицом эмоционального источника силы, чьи дерзость и наглость не раз приносили ей проблемы и конфликты, выбраться из которых помогала смекалка. Их дружба последние семь лет оказала положительный обмен чертами характера, ибо выковалась из противостояния, частью которого был познакомивший их Бенджамин Хилл.

– Данакт общался с ним, – громче желаемого сказала Сепия, борясь не только с эмоциями, но и с воспоминаниями, отчего Агата поддержала ее, взяв за руку, и присела рядом, давая понять, что она в безопасности. – За несколько часов до смертей Бенджамин связался с ним и срочно попросил прийти в один из домов у Культурной площади. А когда мы почти добрались, то… все и случилось. Мы были там, прямо в центре площади, а потом все эти люди упали. – Сепия до сих пор не верила в случившееся.

– С того момента вы говорили с Бенджамином или кем-то? – Сепия лишь качала из стороны в сторону головой, сжимая губы и борясь с подступающим чувством бессилия. Агата оказала ей всю заботу: обняла и сказала, что здесь она в безопасности. Ей надо помыться, переодеться, покушать и поспать, а за Данактом они приглядят.

– А как же мой брат? Он ради нас остался там! – Влажными глазами она искала ответ у Ильзы и Рамзи.

– Сейчас армия наводит порядки, нас туда просто не пустят, – ответил кратко и твердо Рамзи, выступив самым безэмоциональным из всех.

– Сепия… – Ильза чуть приблизилась, вглядываясь в ее глаза, начиная этакий допрос по журналистской привычке. – А перед тем как Данакт потерял сознание, он что-то говорил? Что мы должны сделать – или, может быть, он знает…

– Он просто сказал привезти его сюда, – кратко и быстро отрезала Сепия, найдя второе дыхание, продолжив так, как доказывают свою правоту, желая оставить тему и снять с себя подозрения: – Мы лишь через два дня стали приходить в себя, прячась в том заброшенном доме, куда звал Бенджамин! Данакт почти не разговаривал, все время думал и что-то от нас скрывал. Словно пытался защитить. Потом мы начали искать еду и возможность добраться сюда, но его внешность привлекла разных уродов, обвинявших науку во всех смертях, а меня чуть не… Мужчины бывают жестоки. Пару раз мы разделились против своей воли, но все же смогли не потерять друг друга, а потом Данакт что-то будто бы узнал, что-то важное настолько, что за день до вашего прилета он часов десять не двигался, работая у себя в голове над чем-то! Я ничего не знаю, потому что он хотел уберечь нас с братом!

Агата взглянула на Ильзу с претензией, а после увела взвинченную Сепию за дверь и там, когда они отошли чуть дальше по коридору, прежде чем передать ее своей помощнице, по-родительски наставнически сказала:

– Ильза у нас с характером, я долго привыкала к ней, но она неплохая, просто пробивная слишком.

– Я умею общаться с такими.

– Вижу. А еще вижу, что ты уже не ребенок, а значит, поймешь правильно. Данакт делал все ради тебя и твоего брата. Сейчас самый трудный момент нашей жизни, я жду от тебя честности – это самое главное.

– Если бы я еще что-то знала…

– Я не про это. Сейчас мы на очень тяжелом пути, я рассчитываю на твою ответственность. Данакт дорог мне, я приютила его и отвечаю за него, также отвечаю и за тебя. Ты больше не сирота, здесь будет твой дом, как и твоего брата, как и Данакта. Он просил меня помочь вам – это я и сделаю.

Агата умела быть убедительной. Твердость, прямолинейность и несгибаемость всегда были ее ключевыми умениями в достижении любой цели, а с учетом прагматичного ума и таланта холодного нрава равных ей можно было найти мало.

– Не беспокойся, у меня есть свой ребенок и муж, – решила Агата подыграть недоверчивому взгляду Сепии. – И от этого, я надеюсь, ты доверишься моему решению отговорить тебя от скорого бегства за братом.

– Откуда вы узнали?

– На твоем месте, вероятно, я бы так же сделала.

– А вы бы послушали кого-то на моем месте?

– Нет. Но еще я знаю, что вскоре пожалела бы об этом. Поспешные решения имеют свойство вредить. Я думаю, ты понимаешь, Данакт не просто так попросил быть здесь, и когда он проснется…

– Номад – моя семья!

– И мы не можем ему пока помочь. Твое хладнокровие ныне принесет больше пользы, поверь. Сейчас будет лучше, если ты останешься здесь и поможешь Данакту, потому что, когда он проснется, нас ждет работа.

– Вам легко говорить. Но…

– Это то, чего бы хотел твой брат. Или я не права?

Агата обладала высоким убеждением – Сепия даже позавидовала такому таланту. Но все равно принять вынужденную жертву ей было непросто.

– Сепия, сейчас дело не в нас, а в том, как сохранить остатки цивилизации, которая трещит по швам, – ты сама это видела.

Все это было выше Сепии, она вообще не хочет быть частью этой трагедии или ее предотвращения. Но чем больше она разговаривала с Агатой, видя ее сильный характер, тем естественнее в ней пробуждалось приспособление к этому новому миру, где только предстоит найти свое место.

Над ее головой Агата увидела Филиппа.

– А вот, кстати, и он. Филипп, знакомься! Сепия – подруга Данакта, поможешь ей освоиться?

Филипп удивил Сепию одним лишь своим видом добродушного и открытого мужчины, будто бы его и не коснулся Отказ. Но, когда он встал рядом с Агатой, стало ясно, как хорошо они друг друга дополняют, хотя главным в отношениях точно был не он, подметила Сепия.

– Как там наша дочь?

– В пять лет занять ее легко, сидит, играет в приставку. А вы, – Филипп обратился к Сепии, – подростки, чем увлекаетесь сейчас?

– Это не самый уместный вопрос. Я бы лучше поела и… ну, привела себя в порядок.

– Понял. Ты, случайно, не родственница Ильзы?

Агата и Сепия кратко переглянулись, и Филипп понял тщетность шутки, после чего указал ей, куда идти, а сам поцеловал жену. Они обменялись признаниями в любви – и тут Сепия увидела то самое взрослое переживание друг за друга, где именно взаимные чувства и доверие помогают справиться с трудным моментом. Свою мать она помнит пьющей и ругающейся с очередным мужиком, якобы должным стать им с Номадом отчимом. И вот мысли о Номаде и том, как он и где он, загорелись с новой силой, заставив ее быстро привести себя в порядок и придумать, как связаться с ним, дабы поиск прошел успешнее.

В это время Ильза и Рамзи сидели молча в обнимку друг с другом, откидывая любые мысли в угоду простому чувству хоть какого-то временного отдыха, окончившегося в момент возвращения Агаты. Она кратко взглянула на неизменное состояние Данакта и обернулась, готовясь сказать нечто важное и необходимое. Ильза и Рамзи поняли серьезность и внимательно слушали, делая не самые приятные выводы.

– Мы создаем здесь Зеленую зону. Рамзи теперь целиком под моим командованием, набери людей и подготовь группу быстрого реагирования для вылетов в Мегаполис. Ильза – мне нужен доступ ко всей теневой сети. Не надо удивленных глаз, вы видели, во что превратился Мегаполис. Я говорила с генералом, он одобрил, сейчас мы делаем все для создания безопасных границ, а для этого нужны лучшие люди.

– А мы никак не будем обсуждать Отказ, да? – Ильза уже говорила не как журналист, а как нуждающийся друг. – Данакт как-то связан с этим? А может, спросим у генерала, раз он теперь руководит, где Бенджамин? А Итан? Это все как случилось вообще?!

– Я понимаю твои чувства.

– Агата, хоть сейчас, пожалуйста, давай без вот этого вот, хорошо?! Тебе-то повезло, муж и дочь в порядке, да и здесь, как вижу, вообще все еще более-менее обошлось. Ну а я видела те улицы своими глазами, слышала крики людей со всех сторон своей квартиры и… – Рамзи взял ее за руки, стараясь поддержать, глядя на Агату вполне сдержанным взглядом. – А ты чего молчишь?

– Мне тоже непросто. Но мы живы, а это главное.

– Я каждую секунду думаю о семье, Ильза. И каждую секунду живу в страхе. Не тебе меня обвинять.

– Нам всем тяжело! – Рамзи вносил общую мысль, видя холодную жестокость Агаты и раскаленную ярость Ильзы. – Вы должны успокоиться, на нас рассчитывают, работы много. Агата правильно сказала, надо сохранить остатки. Что с Центром развития технологий? – спросил Рамзи, желая все же собрать общую картину.

– Мы не знаем степень их участия. Но если Бенджамина не найдут, как и Итана, кстати, то ЦРТ просто поглотят военные, прибегнув к букве закона. Может, оно и к лучшему.

– Не знаю, как ты, но я не верю, что Бенджамин мог сделать такое. – Ильза ощущала себя тем, кто оправдывает убийцу. Взглянув на лицо Агаты, она не могла не спросить: – Или верим?

– Два великих гения Мегаполиса и ЦРТ, ведомые властью и гордыней, ошибались слишком много. Мы с тобой, Ильза, сами видели последствия неверных решений.

– Это ничего не меняет. – Рамзи привлек все внимание. – Сейчас очень много людей, которым нужна помощь.

– Солнце мое, твоя примитивность…

– Практичность.

– …порой бесит. К тому же, если мы не знаем причину, то как узнать, что подобное не случится вновь? Как жить с чувством…

– Как последний день. Жить так, как последний день! Даже если это из космоса, то я не знаю, как этому помешать, а оттого постараюсь просто не упустить возможный последний момент.

– Обожаю мужскую прямоту. Кстати, насчет космоса – что с Кесслером? Может ли это и правда быть оттуда?

– Я всю жизнь посвятила космосу и скажу, что очень в этом сомневаюсь. А сам Кесслер пока на орбите, помогает нам всем чем может. Кос работает хорошо.

– Кос? Которая Евгения Кос! Та самая, наша Кос. Она еще там?

– Я думала, ты знаешь. Ее, между прочим, вывели из ИО до полноценного директора.

– Странное решение. Уверена, что она справится? После Пилигримов…

– Сейчас уже поздно что-то думать. Но я уверена в ней – будь уверена и ты. Кесслер последние годы скорее на поддержку работает, к Новому Горизонту уже нет ни грузов, ни людей. За семь лет после Пилигримов так ничего и не сдвинулось.

– Тогда Бенджамин меня с Агатой и познакомил. Помогала ей в правильной рекламе. – Обе посмотрели друг на друга особым, прячущим воспоминания о не самом лучшем событии, взглядом, напоминая себе о надобности сохранить тогдашние решения в тайне даже в такой момент. История старая, но последствия простирались далеко, навсегда изменив их жизни. Рамзи подметил это и вновь стал растопителем напряжения:

– Как специалист, скажи – может, дело в солнце или излучении каком-то?

Агата сухо улыбнулась. Несмотря на то что все они были уже взрослыми людьми, пожившими и повидавшими достаточно, каждый ощущал себя маленьким и ничтожным в первую и единственную очередь из-за неизвестной угрозы, равнявшей всех на одного, где как никогда хочется слышать не только надежное объяснение мотива, но и разъяснения способа, пугающего не меньше чуждого замысла.

– Пока что нет ни одного явления, подходившего под такое влияние. Погибшие или убитые… разный возраст, вес, пол и прочие критерии, которые напрочь противоречат любой закономерности. Да и не забывайте, что коснулось это всей планеты и разом, то бишь не было направления на континент или просто область. Это что-то…

– …немыслимое, – закончила Ильза за Агатой.

– Мог ли ЦРТ изобрести что-то, способное на такое?

И вновь особый, полный смысла взгляд Агаты пересекся с таким же взглядом Ильзы. Но все же, благодаря приятной дружеской атмосфере, наслаждение которой дорогого стоило, все они пытались запомнить этот момент в деталях, предчувствуя невозможность повторения подобного в будущем, не чураясь радости, что им повезло больше, чем другим.

5

Когда Ксения Конлон встретила военных, прибывших в загородный дом Бенджамина Хилла для его поисков, она дала себе слово никогда сюда больше не возвращаться. Пять дней в этом месте измучили ее безысходностью, ибо вопреки возможности покинуть эту частную территорию страх перед каждым следующим часом был слишком велик. Пусть осведомленность ее и превышала желаемое, все равно оставался фактор случайности, причем полученные знания не имели проверяемых доказательств. Вот она и сидела, лишь изредка позволяя себе что-то делать, разрываемая в борьбе между знаниями правды и страхом ошибиться в этих знаниях. Большую часть времени ей хотелось поверить в собственную смерть: мол, именно они все умерли, а та треть планеты на самом деле жива, но где-то не здесь, ибо так было бы проще освоиться в новом мире. И вот военные нашли ее: худую, немощную, потерянную и одинокую, в чьих глазах читался гнев, но не от трагедии, а от невозможности забыть предательства Бенджамина Хилла.

– Первым делом мы стали проверять списки выживших, надеясь обнаружить в них не только высокопоставленных лиц правительства, но и тех, кто руководит Центром развития технологий. – Генерал Локк был высоким, лысым, не самым атлетичным, но его лицо, глаза и голос составляли сильнейший характер с тонкой харизмой мудреца. Возможно, не будь он военным, стал бы неплохим учителем истории или философом. – Часть совета директоров выжила, но те внезапно заявили, что более не являются причастными к компании. Оказалось, в тот же день, когда случился Отказ, некая Ксения Конлон получила контрольный пакет акций от самого Бенджамина Хилла.

– Что вы хотите знать? – несколько отрешенно проронила Ксения, все еще блуждая в своих мыслях.

– Начну с главного: где сам Бенджамин Хилл?

– Мертв.

– Где его тело?

– Ваши люди видели лабораторию в его доме – все уничтожено.

– Где Итан Майерс?

– Он был на своей Точке вместе с космонавтами, там, в космосе.

– Его базы нет, и мы не знаем где она.

– Возможно, он погиб, как и многие другие? – Вопрос был искренним.

– Не тот человек! Уж кто-кто, а некогда глава ЦРТ, человек, который умудрился шантажировать правительство и оставил кровавый след в истории Мегаполиса своими разработками, просто так бы не умер!

Чуть подумав, Ксения заговорила уже с большим вовлечением, как бы распутывая и для себя запутанные знания и воспоминания:

– Возможно, Бенджамин знал, что умрет, иначе бы не оставил мне руководство ЦРТ. Гибель людей произошла до того, как он запустил какой-то свой аппарат. Взрыв, вспышка света, шум… и его уже не стало. А я сидела в его доме все следующие пять дней лишь с одной мыслью – почему не я?

Ксения не могла выкинуть из головы тот момент всеобщей скорби после пронесшейся по планете смерти. Перед ней были включены мониторы с передачей новостей, где бесконечная боль и отчаяние оседали в этом мире на долгие десятилетия, а она как никогда осознавала жизнь после смерти.

– Я слишком хорошо знаю, что такое смерть! Сначала мама – вскоре после моего рождения, потом отец из-за несчастного случая в ЦРТ, а несколько лет назад мой муж, сын и мой брат погибли в ДТП, а ведь я тогда должна была быть с ними! Отказ еще и свекровь забрал, а она была последним человеком, пытавшимся вернуть меня к нормальной жизни. – Ксения вытерла слезы и окончательно укрепилась в желании закрыть эту тему, иначе мучения ее так и продолжатся. – Теперь еще и Бенджамин, который вот-вот, как мне казалось, стал другом, тем человеком, который мог меня понять. Я так устала бороться с тем, что все вокруг меня умирают… а я остаюсь жить с этим дальше! А теперь еще и Отказ, и я бы рада увидеть в этом этакое знамение, мол, путь мой определил мою цель или… ну, вы поняли, всякое небеспричинное дерьмо. Но я видела своими глазами, как подобное уверование в свою уникальность делает с человеком и как этот человек лишается сам себя в момент осознания

ошибочности этого защитного механизма.

Несколько минут они молчали.

– Я знаю, как умерли люди, как и знаю, кто виноват. – Она сказала это так легко и просто, будто бы нужна была тема отвлечься от личной драмы. Да и, высказавшись вслух о своих жертвах, Ксения чувствовала тягу отпустить и эти знания. – Итан Майерс создал Искусственный Интеллект, но это, я думаю, вряд ли кого-то из нас удивит, человеком он был непростым. Но этот ИИ решил сделать так, чтобы человечество чему-то научилось. Наивности не занимать. Тогда были изобретены нанороботы, которых, что вновь не удивляет, невозможно найти при нашем оборудовании, ведь большая часть поставлялась монополией ЦРТ.

– Искусственный Интеллект. Есть доказательства?

– У меня нет. Но есть тот, кто смог найти доказательства наличия нанороботов. – Генерал со всей серьезностью безмолвно требовал ответа. – Эхо.

Генерал не смог сокрыть удивления, но только не причинами и мотивами, а именно именем. Ксения сразу же это подметила, начав тонуть в слишком плохом предчувствии, но генерал сказал наперед, стараясь прервать ее фантазию:

– Я разговаривал с Эхо час назад. Он предоставил убедительную программу помощи выжившим. – Лицо Ксении исказилось злостью. – Я одобрил. И прежде чем ты начнешь, я напомню: треть населения планеты умерла в четыре часа и две минуты дня. Большая часть из выживших находится в Мегаполисе, и даже если здесь мы сможем навести порядок, то независимые государства, там, справляются с этим инцидентом по-своему. Вся цивилизация разваливается на глазах, и мне нужны любые средства не просто для объединения разрозненных, но и для скорого возвращения к околоестественному быту. Важен буквально каждый налаженный мост, дабы спасти остатки человечества.

Шокировал ее не сам факт сотрудничества с Эхо или ему подобными: ведь и правда, положение ныне самое неординарное, настоящее же потрясение исходило из-за бесполезности всей ее работы по избавлению Мегаполиса от виртуальной секты этого фанатика.

– Ты возьмешь этот проект на себя. – Внутри нее от таких слов начал просыпаться тот самый жестокий нрав, но усталость взяла слишком многое, и она лишь сверлила генерала яростным взглядом. – Именно из-за твоей неприязни к Эхо. Думаешь, я верю ему на слово? Не больше, чем тебе. Вся эта история с Бенджамином меня не впечатлила. Единственное, что я знаю о нем, – это с твоих слов, следовательно, я никак не могу вычеркнуть его из уравнения, как и Итана. А разница между тобой и Эхо в моих глазах слишком мала, уж очень много вы говорите, да только подтвердить не можете, а без этого в нашем положении никак. Я не могу рисковать, все и так держится на честном слове.

– Я смогла подтвердить его исследования нанороботов в его долбаных лабораториях! Все в сети, это случилось…

– Там ничего нет. Возможно, все подчистили, но моя техническая группа пока что подобного не заметила, на чем мы и закончили.

Ксения не знала, что сказать: все было слишком просто, от того и ненавистно.

– Ты не представляешь, какое на меня оказывают давление. Я выделил время и пришел лично лишь по одной причине – ты владелец пакета акций ЦРТ! Ты дашь мне весь доступ и не будешь мешать, потому что иначе мне будет необходимо запереть тебя, дабы взять все силой, а знаешь почему? Мы сейчас в том положении, где ни в коем случае нельзя дать волю кому-либо, кто не разделяет наши цели и идеалы. Ты прекрасно знаешь своенравность ЦРТ все эти годы – более такого не будет.

– Вы собираетесь вводить Железную армию?

– Еще нет. Но меня к этому подталкивают.

– Хорошо. Пока их нет на наших улицах, я поддержу вас.

– Не самые мудрые слова, Конлон. Уж точно не в нашем положении.

– Цените мою честность, генерал.

– Искусственный Интеллект. – Генерал ожидал подтверждения.

– Я все это знаю со слов Бенджамина. Он обвинил Итана в желании создать мировую проблему, которая позволит людям объединиться перед единым врагом в лице ИИ.

– Значит, между ними был конфликт? Один решил за весь мир, а второй был против этого?

– Я точно не знаю. Все это странно. Если и так, то где великий голос диктатора? Или же образ хотя бы? Просто… Итан бы не стал все уничтожать ради уничтожения, такой подход не для него.

– Откуда ты знаешь?

– «Не тот человек».

Генералу не особо понравилась возвращенная фраза.

– Если нанороботы – правда, то в ЦРТ должен быть способ найти их и ликвидировать. Что-то знаешь?

– Да ничего я не знаю! Бенджамина не стало на моих глазах, и я не знаю, чего он добивался. Я осталась одна, там, наедине со всем этим!

– Успокойся.

– А вас, я вижу, и не удивили ни Искусственный Интеллект, ни нанороботы.

– Наличие у ЦРТ ИИ – актуальный вопрос уже лет десять, нанороботы занимают не последнее место в том же списке. Моя работа – не удивляться, а уберечь людей от врага.

– Этот враг может быть среди нас.

– Хорошее замечание. Ответь, почему ты рассказала мне про ИИ и нанороботов?

Этот вопрос удивил ее отсутствием удобоваримого ответа.

– Молчишь? Интересно. Откуда мне знать, что ты не пытаешься дезинформировать меня? Доказательств нет, лишь твое слово. Сейчас я брошу все силы на поиски того, что не знаю ни как найти, ни как обезвредить, а в это время… да, кто знает, что произойдет еще. Понимаешь, к чему я клоню? Ты связана с Бенджамином и Итаном, а они неизвестно где. Отсюда я делаю неприятное предположение – ты можешь быть засланной. Развивать цепочку дальше?

– Не вижу смысла лгать.

– Ты выше этой чуши.

Ксения и правда не находила ответа. Ложь в ее жизни стала столь же привычным явлением, сколь раздражающим. Она и правда могла бы солгать, а то и просто умолчать, но в таком случае… будет ли она нести ответственность за то, что случится из-за лжи?

– Слушайте, – начала она, не скрывая смятения и усталости, – я уже все сказала, а значит, что будет, то будет. Я не стала лгать лишь потому… Не знаю почему. Может, просто устала от лжи, а с учетом того, как при ее наличии или отсутствии все равно происходит что-то ужасное и настигает чувство вины, то какая разница. Я так запуталась в правильном и неправильном, что попросту не вижу разницы, генерал.

– После таких слов я должен тебя уволить или запереть на замок.

– Да. Только сейчас я поняла, что у меня есть одно незаконченное дело, которое я должна довести до конца.

– Эхо?

Подумав, Ксения посмотрела в глаза генералу и сказала с определенной мрачностью и злобой:

– Я слишком хорошо его знаю и в какой-то степени понимаю. Раз уж он теперь в вашей обойме, то… клин клином вышибают. Засранец умеет манипулировать, убалтывать и давить на нужные ему эмоции. Со мной не получится.

Из последних сил она понимала жизненную важность за что-то зацепиться, найти себе задачку или цель, этакую связь с реальностью, дабы не потерять саму себя в бездонной апатии и депрессии. Эхо подошел идеально, ведь с ним у нее и правда незаконченное дело, а злость в его адрес позволяет еще чувствовать себя обычным человеком. Надо двигаться, иначе она повторит судьбу Бенджамина Хилла.

6

Нужда в осмыслении этого бесконечного дня оказалась сильнее желания Эхо увидеться с любимой женой Алиной. Встреча с Конором прошла вопреки ожиданию, а следующий за этим разговор с генералом дался настолько трудно, насколько не хватило сил для простейшего удовольствия от успешной договоренности. Его Семья получила возможность наладить производство с последующим внедрением в массы Коллектива – системы виртуального контроля для лечения психических расстройств, тем самым предоставляя каждому шанс стать лучше. Он искренне хочет прочувствовать этот момент возвышения, ибо всего неделю назад Ксения Конлон почти уничтожила весь его труд. И вот он напрямую сотрудничает с главнокомандующим над созданием глобальной сети. Но Эхо не чувствует радости или гордости, как раз наоборот – он будто бы проиграл, нечто внутри так и вынуждает ненавидеть столь ценный результат, отчего он еще больше уходит в чуждую апатию. Может быть, дело в том, что, несмотря на такой статус, его роль так и осталась отвлекающим внимание лицом да голосом? Будто бы вся его жизнь и вера – лишь игрушка в руках Конора, а теперь и генерала! А ведь так и есть, признает он нехотя, поглядывая в зеркало перед собой, видя в собственных глазах нереализованность и неоцененный по достоинству потенциал. Хотя нельзя отдаваться гордыне: сам Космос оставил ему жизнь именно ради великой цели объединения, а значит, все происходит правильно. «Путь уже выбран – мы его просто расчищаем» – слова его матери были основой, которую порой легко забыть. Осталось, закрепляет мысль Эхо, понять, как расчистить оставшийся путь, ведь раз он здесь, а цель его продиктована Космосом, то разрешение трудностей не может не быть.

Двери переговорной, где ранее Эхо провел встречу с генералом, вновь открылись. Он ожидал кого угодно, даже военную полицию, но тут Ксения Конлон заняла место за столом со стороны входа. Взгляд ее был пропитан смесью презрения и нежелания быть здесь, но все же он сумел прочесть и

закравшийся интерес, что и подтолкнуло начать первым:

– Твое благо радует как никогда! – Внезапно он понял, как трудно ему соблюдать казавшуюся естественной добрую наигранность.

– Поздравляю. Генерал одобрил твой Коллектив, будешь промывать людям мозги с полным иммунитетом. Хоть кто-то получил желаемое.

С Отказа он успел и позабыть столь сложные отношения с этим человеком.

– Сейчас слишком много вражды, Ксения, а мы с тобой достаточно пережили и знаем, как разрушителен бывает конфликт. Но я не обвиняю тебя, уж если и есть кто-то, понимающий оставшееся человечество, то это ты, а не я.

– Вот так просто? Я обличила все твои лаборатории и раскрыла людям причину возрастающего за последние несколько лет бесплодия, а ты даже не злишься на меня?

– «Вот-так-просто» – Эхо не хотел злиться, более того, он всерьез осознавал роль Ксении в его долгосрочном предназначении. – Скажи, ты знаешь, почему случился Отказ?

– Известные нам с тобой нанороботы постарались.

– Не «как», а почему?

– Да, знаю. Мне Бенджамин все рассказал, прежде чем умер у меня на глазах. Ты удивлен? Не думала, что ты на такое способен, вроде бы все предрешено твоим Космосом.

– Он был хорошим человеком. Прими мои…

– Ой, да заткнись! Убери это сочувствующее дерьмо, я здесь не за этим! Во-первых, мне плевать, во-вторых, уверена, будет упомянут Космос, а в-третьих, каким бы праведным ты себя ни считал, даже несмотря на… как минимум временное закрытие нашей общей темы, я не позволю тебе свободно создать Коллектив! Я ведь ныне глава ЦРТ, если ты не знал. Бенджамин отдал все мне, а

раз Итан – пропавший без вести, да и мало кто будет о нем плакать, то вся власть у меня в руках. И знай: я не хотела ее, но время такое, никого не волнует, чего и кто хочет и не хочет.

Эхо слушал всю ее насыщенную эмоциями речь с самым что ни есть чистым восхищением как характером этой женщины, так и открывающимися возможностями. Смиренно дослушав, он медленно и тактично заговорил:

– Ты рассказала Локку про найденных нанороботов?

– О да. А еще попросила его проверить найденные мною сведения в твоих лабораториях – но, о чудо, в сети нет ни кода, все пропало, будто бы и не было.

– И я знаю причину, как и исполнителя. Его зовут Конор, возможно, имя ненастоящее. – Эхо аккуратно подсадил ее на крючок, любопытство сверкнуло в глазах, осталось за малым. – Когда «Дорога света» оказалась катастрофой, он появился из ниоткуда, предложил сверхвыгодные условия, а выбор у меня, как ты и сама помнишь, был небольшой. Можешь представить его связи с самыми верхами, которые в нынешнее время проредились. В твоих глазах я вижу недоверие, но ты прекрасно знаешь, что сам я слишком мелкая для генерала птица, – меня привели и указали, что и про что говорить. Например, молчать про нанороботов.

– Зачем? – Ксения не хотела верить ему, не хотела даже позволять затянуть себя в болото интриг, но куда больше она не хотела быть слабой.

– Боится, что Локк или кто-то, например, руководство ЦРТ, – Эхо указал на Ксению, – захочет такую технологию.

– Но я уже рассказала генералу.

– И что он сделал? – Ксения задумалась, вспоминая тот момент, как генерал четко и ясно дал понять невозможность в его положении верить неподтвержденному слову. – Прислал тебя следить за мной, но никак не захотел привлечь директора ЦРТ к разрешению столь катастрофической для всех нас проблемы. Пусть он не верит мне, но уж ты не можешь не обладать высоким доверительным уровнем.

– Сдается мне, ты считаешь, что нас просто отодвинули в сторону.

– Генерал очень даже не глуп. Есть причина, почему он не хочет помощи единственного главы ЦРТ в столь кризисный момент, а ведь…

– Меня это устраивает. – Ксении понравилось удивление Эхо. – Я разбираюсь в законах, а не науке, моя польза – не выходить дальше подписания разрешений и допусков. Пусть сделают все правильно, потому что… не знаю, ему я верю больше, чем тебе. Бенджамин вручил мне всю свою власть, вот и пользуюсь ей так, как считаю верным.

– Что, если я скажу… – шероховато начал Эхо, подбираясь к смыслу с заметным трудом, – кем бы ты меня ни считала, я всегда стремился к созидательному единству. Но вот Конор – это человек с большими секретами, чьи желания я попросту не понимаю.

– Если ты так хочешь убрать конкурента, то я не буду помогать.

– Оставь уже личное позади! – Эхо вспылил, но сам пока не понимал, до какого состояния отдаться столь искреннему порыву. – Неужели не видно, как за нашими спинами происходит что-то, чего мы не знаем! Генерал в одном шаге от ввода Железной армии, а это станет окончательной катастрофой, ибо людям нужна свобода для восстановления, а не цепи.

– Как же я устала! Эхо, говори прямо, чего ты хочешь от меня? Чтобы я закрыла глаза на весь твой Коллектив?

– Где производство нанороботов?!

– Я не знаю, как и никто! Это было сотворено…

Но в этот момент, не успела Ксения договорить, начал мигать свет, а после на коммуникатор Эхо и Ксении одновременно пришли сообщения: «держи рядом с ее» – было написано у него, а у нее – «убедись, что вы одни». Они переглянулись, после осмотрелись вокруг и пододвинулись ближе, уткнувшись в ее коммуникатор, пока его лежал рядом. Внезапно поступил звонок, на который сразу же был получен ответ, но только не Ксенией или Эхо, а самим

коммуникатором. Ксения уже догадалась, кто виновник:

– У нас мало времени, так что слушайте внимательно. – Голос оказался незнакомым, значительно более молодым, чем у Итана, в нем ощущалась своя доля паники. – Прямо сейчас генерал направил все силы на поиск сигнала Отказа. Когда это случилось, спутники Кесслера зафиксировали его по всей планете. Источник находится в Мегаполисе. Фабрика по производству нанороботов не просто существует, а вполне функционирует! Вам нужно успеть попасть туда до генерала и Конора, который также стремится завладеть ими.

– Итан с тобой?

Недолгое молчание дало понять важность сохранения тайны, наличие которой, разумеется, также остается под вопросом.

– Вы должны спешить.

– Но куда? И как мы…

– Я укажу место, прибыв туда, сообщу новые координаты. Маловероятно, что нас могут взломать или прослушать, но шанс есть всегда.

– Подожди! – Эхо открылся Ксении с иной, более вдумчивой и искренне заинтересованной стороны. – А почему нельзя подключиться к фабрике удаленно? Как-то же нанороботы были активированы.

– Фабрика была автономной, а защита на случай взлома слишком сильная. Все непредсказуемо, с таким мы еще не сталкивались, оттого и нужна ваша помощь, потому что у Ксении есть допуски ЦРТ, а ты, Эхо, прикроешь ее! Это все очень опасно, вы должны понимать, что…

– А как тебя зовут? Голос юный, сколько тебе лет?

– Меня зовут Данакт, Эхо, рад познакомиться! Закончили с этим? Вы даже не представляете, что мне приходится делать, дабы и дальше скрывать фабрику.

– Хорошо-хорошо, парень, я понял, ты молодец. – Эхо старался наладить контакт, но, переглянувшись с Ксенией, понял по одному лишь ее выражению лица, что получается у него не очень хорошо.

– Мы всеми силами стараемся помешать не только генералу, но и Конору. Из-за военного положения система становится все более ограниченной, так что не медлите и идите по этим координатам, но они появятся лишь на три секунды. Мне еще надо будет скрыть ваши передвижения… – Данакт звучал пусть и немного механически, но очень устало, явно работая из последних сил. – Если мы не справимся… Мы должны справиться!

7

Некоторых пришлось изолировать, большинство же смогло совладать с чувствами утраты и продолжить с попеременным успехом выполнять работу на Кесслере. А все благодаря Евгении, попросту не разрешающей себе сломаться не только из-за нужды занять мысли работой, а еще и благодаря жесткому приказу от главнокомандующего генерала Локка. Тиски были необходимы – Евгения успела поймать это знание, словно на автомате выполняя все поручения и свои обязанности по содержанию Кесслера в режиме работоспособности. Ни о каком комфорте и речи не было: все дееспособные, коих было три четверти, спали строго по часам и в жестком режиме, а работали так фанатично, как никому и не снилось. Кто-то мечтал о мести, желая найти виновников, кто-то же просто прятался в роли исполнителя воли начальства, осознанно лишая себя свободы мышления и чувств. За эти несколько дней Кесслер превратился в суровый режимный объект, где любое отклонение не допускалось самими сотрудниками. Пять дней с момента Отказа показались вечностью, и в обычное время необходимо было бы заменить персонал, но кем?

– Нам всем трудно. Но мы сильны, потому что живы. Каждый кого-то потерял, но именно память об этих людях делает нас особенными. Я знаю, кажется, что все только начинается. Причина не ясна, мотивы чужды. Но мы стоим на обороне всех тех людей, кто там, внизу, скорбит не меньше нашего. Среди нас нет ни одной жертвы Отказа! Принять это труднее всего, я понимаю. Ощущается несправедливость. Но страх обитает лишь там, где мы ему позволяем, и так, как мы ему позволяем существовать. Мы с вами здесь, живы, ибо есть необходимость удержать цивилизации от краха. До покоя еще далеко, отдыхать времени нет, и лично я рада этому. А знаете почему? Видя вас всех, я знаю, мы

сделаем лучшее для Мегаполиса и всей планеты. Только мы способны держать эту оборону, не дать врагам захватить всю коммуникационную систему, спутники связи и те ресурсы, которые проходят через Кесслер! Мы на своем месте, никто лучше нас не справится.

Евгения Кос не знала, откуда взялись эти силы и твердость: обычно ее характеру не хватало подобного, но ныне лишь этим она могла оперировать для сохранения Кесслера. Возвращаться на планету у нее более нет причин, а вот защищать ее – еще как есть. Ее жених умер не просто так. Будь он жив, она бы всеми силами добралась до него, но раз случилось так, как случилось, значит, кому-то, совершившему такое злодеяние, необходимо ее наличие на своем месте. Она смотрит через иллюминатор на планету и как никогда чувствует начало чего-то великого и важного, того, ради чего ее тернистая жизнь привела именно сюда.

– Да, мы не знаем ответов на вопросы, но мы ценим жизнь! – Евгения по несколько раз в день говорила со всеми, скрепляя воедино коллектив верной идеологией избранности. Она понимала переживания людей, все же напрашивающиеся самые разные версии удивительным образом звучали одинаково достоверно, но нужно было держать всех в узде. – Причина, почему мы все живы, – это необходимость сохранить остатки. Любая трудность не может не быть нами преодолена, иначе бы нас тут не было. Помним, что сейчас важны не причины Отказа, а то, почему мы живы! Отсюда, с орбиты планеты, перед нами весь мир, и его мы должны защитить от ошибок, от врага, видимого и невидимого!

Генерал Локк связался с ней лично и попросил настроить все доступные спутники на поиск сигнала, крупицы которого были пойманы системой мониторинга Министерства обороны в момент Отказа. Сама новость ее ошеломила, ведь она способна пролить свет на истину происходящего.

– Вероятность мала, Кос, но всплыли новые сведения. Твоя задача – помочь технической группе не просто расшифровать содержимое сигнала, а найти его источник.

– Предлагаю отключить всю гражданскую сеть. Нужен трафик и чистота каналов, иначе придется многое отсеять и возможны помехи из-за перегруза.

– Мы уже приступаем к этому.

– Отлично, мои люди все сделают.

– Хорошая работа, передай всем.

– Позвольте вопрос: этот сигнал связан с Отказом?

– Вот ты мне и скажешь. Сейчас это единственная зацепка.

Прошли часы, но усердная работа позволила выделить источник сигнала и определить, откуда он появился, – Мегаполис. Только место это занимало континент, обширность такая, что велик шанс ошибиться не просто с координатами, а попасть на чью-то удочку. Ведь кто знает, вдруг все это обманка или же простое глупое совпадение. А потом, когда казалось, что все зашло в тупик, внезапно специалисты уловили необычный код сети, исчезающий и появляющийся. Направив все силы на этот код, Евгения всем сердцем чувствовала скорое вскрытие некоей тайны. Не прошло и пары часов, как они узнали о сообщениях, которые передавались кому-то в Мегаполисе, но неясно откуда. А вскоре получилось поймать часть сообщения: «…фабрика нанороботов под оранжереей нового района…»

Прочтя сообщение, Кос потребовалось несколько минут для интеграции знания в систему координат. Если все это искусственное, то…

Беспорядочность мысли раздражала как никогда. Запустив поиск слов «фабрика» и «нанороботы» во внутренней сети, Евгения обнаружила прямую активность нескольких служб по ключевым словам. Видимо, и правда, все это связано с ними, раз не только она интересуется, да и сами слова эти генерал мог бы ей и дать, но скрыл. Неужели все оказалось таким простым и банальным: нанороботы! Наверняка ЦРТ причастен к этому. Неужели все вот так просто? Заместитель Кос показал еще пересечение ключевых слов и фраз, но только уже не внутренняя сеть или же тот уникальный код, а стороннее, нечто третье, почти успешно скрывающее переговоры.

– Генерал, мы узнали о фабрике нанороботов. Но помимо вас кто-то еще и не один не просто ищет их, а уже нашел и движется туда! Я правильно поняла, что все дело в технологии столь мощной, что она…

– Немедленно передай нам сведения, Кос! Времени нет, счет идет на минуты.

Когда ее люди отправили данные Локку, у Евгении окончательно сформировалось понимание причинности. Она смотрела на своих измученных бессонницей и стрессом людей и видела тех, кто прямо сейчас принимает участие в формировании их будущего. А потом она посмотрела в иллюминатор, увидела всю планету и задалась вопросом: а кто формирует будущее там? Те люди, которые борются за разрушительную технологию? А потом? Повторят трагедию? Или же используют для устрашения или скрепления власти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chirkov_nikita/ostatki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити